

К сожалению, в книге сравнительно слабо освещена роль отдельных городов, как центров миграционных потоков притяжения (единственное исключение — Белград), невозможно судить о том, как национальная структура городов влияет на этническую принадлежность вливающих в них переселенцев, а знать это было бы очень поучительно.

Рецензируемую монографию можно рекомендовать всем, кто интересуется этническими процессами Югославии; она будет полезна и тем, кого интересуют теоретические проблемы миграций в условиях многонационального социалистического государства.

В. В. Покишиевский

Kustaa Vilku n a. Die Pfluggeräte Finnlands. *Studia Fennica* 16, Helsinki, 1971, S. 178 (93 иллюстрации + 15 карт).

В конце октября 1972 г. научная общественность Финляндии торжественно отметила 70-летний юбилей известного финского этнографа Кустаа Вилкуна. Ученый систематически занимается изучением пахотных орудий. Его новая работа «Пахотные орудия Финляндии» обобщает исследования автора в этой области¹. Исследования К. Вилкуна базируются на богатых массовых этнографических и лингвистических материалах, накопленных в музеях и архивах Финляндии за последние 240 лет.

Автора интересовали три аспекта развития пахотных орудий: пахотные орудия вообще, традиционные финские пахотные орудия и усовершенствование техники пахоты.

В вводной части работы определяется место пахотных орудий Финляндии среди пахотных орудий всего мира. Финляндия представляет, по мнению К. Вилкуна, крайнюю северную территорию земледелия, периферию, куда пахотные орудия проникали в виде «культурных волн» в разные исторические периоды разными путями.

В книге выдвинуто положение, что развитие пахотных орудий (от разрыхляющего до переворачивающего пласт земли) шло всегда целенаправленно: главной задачей было обрабатывать землю интенсивно и по возможности с наименьшей затратой труда. Это отчасти и служило стимулом создания локальных вариантов орудий. В разных местах, в зависимости от местной природной среды, одни и те же технические вопросы решались по-разному, часто, как говорит автор, «гениально просто».

Большое значение К. Вилкуна придает функции пахотных орудий, выделяя по функциональному признаку две главные группы традиционных орудий: 1) разрыхляющие орудия (рало, Rührpflug), 2) пашущие орудия (соха с полицей, Kehrpfug), что близко к классификации русских традиционных пахотных орудий, данной Дм. Зелениным («черкающие» и «пашущие» орудия)².

В основу типологии финских пахотных орудий К. Вилкуна положил принципы, выработанные Б. Братаничем и Фр. Шахом³. Они в первую очередь учитывали положение и формы рабочей части во взаимосвязи с тремя главными (рабочей, управляющей и тягловой) частями пахотного орудия.

Традиционные пахотные орудия автор разделяет на четыре основные группы: 1) рало без подошвы — *huhtakoukku* (*Haken*), 2) кривоуглядильное рало с подошвой — *aura*, *atra* (*Bogenard*), 3) прямоуглядильное рало с подошвой — *aura*, *aarra* (*Hochard*, *vierseitige Sohlenpflug*), 4) соха с полицей — *sahrat*, *aatra* (*Gabelpflug*).

Самым древним и простым из всех пахотных орудий Финляндии было рало без подошвы (*huhtakoukku*, *koukkari*, букв. подсечный крюк); оно применялось специально для разрыхления земли и запашки семян на подсеке. Это орудие сохранилось еще в конце XIX в. на маленьких подсеках в юго-западной Финляндии (в Варсинайс-Суоми). Встречалось оно и у шведов в провинции Усимаа и у финского населения в Швеции (в Норботтинги).

Наряду с подсечным ралом существовал другой тип рала, использовавшийся только для пахоты постоянных полей. Это было кривоуглядильное подошвенное рало (*aura* или *atra*), встречавшееся еще в начале XX в. в двух центрах: на западе Варсинайс-Суоми, в Вакка-Суоми и у шведского населения в провинции Похъянмаа.

¹ K. Vilku n a, Gaffelplogen, «Finskt Museum 1935», XLII, Helsingfors, 1936; его же, Die Pfluggeräte Finnlands, «Vortrag auf dem II Finnougristenkongress in Helsinki am 24.VIII.1965» (Sonderdruck); его же, Aura Suomen kulttuurihistoriassa, «Suomen Akatemia Puhuu», Porvoo, 1968; его же, Aura, vannas ja ojas, «Kalevalaseuran vuosikirja 48», Helsinki, 1968; его же, Varskidor. Ett bidrag till åkerpögingens historia. «Feststrift till Olav Ahlbäck, 28.3.1971», Helsingfors, 1971.

² Д. К. Зеленин, Русская соха, ее история и виды, Вятка, 1908, стр. 10, 11.

³ B. Bratanić, Research on ploughing implements. The Conference in Copenhagen, June, 1, st. 5, st. 1954, «Publications from the International Secretariat for research on the history of agricultural implements. National Museum Copenhagen», I, Copenhagen, 1956; Fr. Sach, Proposal for the classification of pre-industrial tillage implements, «Prameny historie zemědělství a lesnictví», I, Praha, 1966.

Общепринято мнение, что тип кривоградильного подошвенного рала сформировался где-то в зоне Средиземного моря, откуда он широко распространился на всю Европу. Прототипом северной формы этого орудия, встречавшимся в XIX в. в Финляндии, местами еще и в Норвегии, южной Швеции и западной Эстонии, К. Вилкуна считает датское рало, найденное в Деструпе (Døstrup) и датируемое серединой I тысячелетия до н. э. Как известно, во всех прибалтийско-финских языках пахотное орудие обозначают сходным термином (фин. *aura*, эст. *ader*, кар. *adra*, вепс. *adr*, вод. *atra*, лив. *adders*). Анализ происхождения этого термина привел К. Вилкуна к мысли, что он

заимствован из старосведского языка: *ader* (рало). Интересно приведенное в книге мнение, что это заимствование в прибалтийско-финских языках восходит примерно к началу нашей эры (не позже первой половины I тысячелетия н. э.) и связано с освоением некоторых новых более совершенных элементов пашенного земледелия, в том числе и новой формы шведского рала. Причиной распространения шведского рала К. Вилкуна считает технически более совершенную его рабочую часть — наральник, который вначале изготавливали из твердого дерева, а позже из железа. Наральник придавал орудью прочность и вместе с тем улучшал качество пахоты. Название рабочей части пахотного орудия у прибалтийских финнов (фин. *vannas*, эст. *vannas*, кар. *vannaš*, вепс. *vadna*, вод. *vadnaz*), по мнению автора, также могло быть заимствовано из германских языков в тот же период. Затем старые названия рала и его рабочих частей у прибалтийских финнов перешли на новое орудие — соху. Нам представляется, что при решении вопроса о распространении определенного типа орудия недостаточно опираться только на терминологический материал. Разные прибалтийско-финские племена, жившие в разных природных и экономических условиях, должны были и по-разному усовершенствовать свои орудия обработки земли. В рецензируемой книге не учитывается, что эволюция рала в лесной полосе Восточной Европы могла иметь и другие варианты. Так, по мнению советского археолога Ю. А. Краснова, «подошвенное рало, более приспособленное к работе в степных и лесостепных районах», постепенно заменялось бесподошвенным пахотным орудием, более пригодным для применения на отвоеванных у леса земельных участках⁴.

Третий тип подошвенного рала, известный в Финляндии (*aarra*), проник сюда лишь в XV в. из Швеции, причем двумя разными путями — в южную Похьянмаа и в Варсинайс-Суоми. Применялось это рало исключительно на старопашотных полях. Уже с середины XVI в. этот тип был усовершенствован (появился отвал), что повысило производительность орудия. Оно называлось заимствованным у шведов термином — *vältti*. Во второй половине XVII в. в связи с новыми усовершенствованиями в рабочей части орудия *vältti* стало весьма эффективным отвальным плугом, сохранившимся до появления фабричных плугов.

Самым распространенным из всех традиционных пахотных орудий Финляндии была соха с полицей (*sahrat*, *aatra*). К. Вилкуна выделяет два основных вида сохи. Первый вид — соха западной Финляндии, так называемая хамеская полевая соха с высоким рогачом (задние концы оглобель поднимаются вверх, образуя основу рукоятки) и с наклонно поставленной рассохой. По конструкции корпуса в книге выделены три разновидности этой сохи, которая, по мнению автора, генетически связана с аналогичной формой сохи с высоким рогачом северной Эстонии (так наз. сохи с журавлями).

От кривоградильного подошвенного рала соха унаследовала старое название *atra*, однако в тех местах, где она сосуществовала с ралом, называлась термином *sahrat*, восходящим к русскому *соха* и пришедшим в Финляндию через эстонцев, в языке которых это слово имело форму *sahk*. Второй вид — соха восточной Финляндии с низкими рукоятками (на уровне оглобель) — был универсальным орудием на подсеке и на старопашотных полях. Соха с низкими рукоятками, но с прямо поставленной рассохой и без полицы (*kaskuri*) применялась и на подсеках в западной Финляндии.

К. Вилкуна считает, что соха проникла в Финляндию двумя различными волнами — через Восточную Прибалтику (точнее, через Эстонию) и через Карелию.

Интересна точка зрения К. Вилкуна о генезисе сохи. Самой древней ее формой он считает соху с корпусом из копани, с высоким рогачом. Формирование этого типа происходило на северной границе степной зоны, где-то в верховьях Днепра и Немана, путем замены однозубого ральника бесподошвенного рала двузубой рассохой. Автор считает, что соха с высоким рогачом получила в начале нашей эры уже довольно широкое распространение на территории нынешней Белоруссии, северной Польши и южной Литвы. В книге говорится, что этот тип сохи проник через Эстонию и на территорию Финляндии, где стал известным (по крайней мере в провинции Хяме) не позднее XII—XIII вв. н. э. Другая форма сохи с низкими рукоятками, по мнению К. Вилкуна, из Новгородской земли распространилась на территорию Эстонии, Латвии, северной Литвы, а также в восточную и северную Финляндию. Автор связывает ее распространение с продвижением карел в XII в. на север и северо-восток. Внедрение этой сохи неразрывно связано с новым, более интенсивным методом подсеки, распространившимся в то же время. Можно согласиться с высказанной в книге точкой зрения, что соха стала гос-

⁴ Ю. А. Краснов, Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. II тысячелетие до н. э. — первая половина I тысячелетия н. э., М., 1971, стр. 48.

подствующим орудием не сразу, а долгое время существовала лишь как пахотное орудие при подсечном земледелии наряду с ралом, которое оставалось основным орудием для обработки старопахотных полей. Сосуществование сохи и рала было характерно, по мнению советского историка Г. Е. Кочина, и для лесной полосы Северной России⁵.

Происхождение сохи К. Вилкуна связывает генетически с граблеобразным ручным орудием (*hara, koukkari*), имевшим на подсеке сходную с сохой функцию, им разрыхляли землю и заделывали семена. В общем К. Вилкуна подтверждает мысли тех русских и советских исследователей, которые считают исходной формой сохи вершалину или суковатку⁶.

Усовершенствование сохи при помощи перекладной полицы К. Вилкуна называет «гениальным изобретением». Более старой формой полицы автор считает узкую полицу (*ruotti*). Постепенно наконечник полицы стал шире (*luotin*, букв. лопата). Автор оставляет открытым вопрос о времени и ареале формирования полицы. Между тем известно, что славянская соха, проникшая в XII в. из Новгородской земли на север, уже могла иметь полицу. Советскими учеными установлено, что основной формой сохи на Руси на рубеже XIII—XIV вв. (в Новгородской земле, может быть, несколько раньше) стала двузубая соха с перекладной полицей⁷.

Новой для нас является точка зрения К. Вилкуна о технике пахоты. Он считает, что такие древние приспособления, как оглобли с поворотными досками у рала и так называемая обжа с изгибом у сохи, когда-то играли еще другую роль. Они позволяли при вспашке переваливать вспаханный пласт земли⁸.

В рецензируемой книге рассмотрены и вспомогательные при пахоте орудия, изучение которых порой помогает установить более древнюю форму основного пахотного орудия. С этой точки зрения анализируется резак. В Финляндии зафиксировано два типа этого орудия (*viuhka, viili*). Резак западной Финляндии представлял собой отдельное орудие. Резак в восточной Финляндии образовался путем прикрепления к корпусу местного пахотного орудия — сохи-бруска с ножом. К числу очень древних вторичных орудий К. Вилкуна относит и бороздник (*sitke*), которым намечали посевную полосу.

Старинные пахотные орудия сохранились в Финляндии до недавнего времени и употреблялись для работ второстепенного значения, а также для проведения и запахивания борозд при обработке картофеля. Автор книги — сын крестьянина и мог лично наблюдать работу описанных в книге орудий.

В рассматриваемой нами книге наряду с историей финских пахотных орудий фактически описывается история развития пахотных орудий в Северной и Восточной Европе.

К сожалению, К. Вилкуна не уделил должного внимания экономическому и социальному положению крестьян. Как известно, более архаичные черты в земледельческой технике всегда сохранялись у более бедных слоев крестьянского населения.

Отрадно, что автор книги рассматривает процесс развития земледельческой техники в историческом плане; он хорошо знаком с русской и советской литературой, что, по-видимому, объясняет близость теоретических взглядов, высказанных в книге, к теоретическим взглядам некоторых советских исследователей в этой области науки.

Л. Феоктистова

⁵ Г. Е. Кочин, Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в., М. — Л., 1965, стр. 78.

⁶ См. Д. В. Найдич-Москаленко, О принципах классификации русских пахотных орудий, «Сов. этнография», 1959, № 1, стр. 45.

⁷ А. Д. Горский, Сельское хозяйство и промыслы, в кн. «Очерки русской культуры XIII—XV веков», т. I, М., 1969, стр. 75.

⁸ См. статью К. Вилкуна в настоящем номере журнала.

НАРОДЫ АМЕРИКИ

С. Г. Федорова. Русское население Аляски и Калифорнии (конец XVIII века — 1867 г.). М., 1971, 275 стр., с илл., прилож.

«История Аляски до ее продажи США в 1867 г. — это одна из страниц истории России» — так начинается книга С. Г. Федоровой, и слова эти определяют очень многое. В истории России страница, отведенная русским поселениям в Новом Свете, коротка, однако события эти органически связаны с общим ходом освоения сибирского Севера, с основными закономерностями процесса заселения необъятных территорий, лежащих к востоку от Каменного Пояса.